

СОВРЕМЕННОЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ БЛИЖАЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН И ИХ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ

А. А. Коряковцев

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
e-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

***Аннотация.** Актуальность данного исследования связана с необходимостью пересмотра теорий современного общества, как «западного», так и российского. Это обусловлено всей совокупностью перемен, происходящих в мире с середины XX века – глобальных не только по широте, но и по глубине общественных изменений. Они охватывают не только культурные и политические, но и экономические параметры общественной жизни. При этом они выходят за рамки понятий и методологических приемов, сложившихся в теориях довоенной эпохи – не только классического марксизма и марксистских школ, но также и их оппонентов: позитивизма, постмодернизма, неолиберализма и так далее. Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе изучения закономерностей новых мировых социальных процессов разработать понятия, адекватно их отражающие и с их помощью высветить динамику развития данного общества.*

При анализе социальных явлений автор опирался как на классические, так и на современные зарубежные и российские теоретические труды. Методологической базой исследования является классический марксизм, хотя и переосмысленный с точки зрения новых общественных реалий. Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку объединяет данные из области социальной философии, истории и политической экономики.

В статье современное общество взято в динамике общественных изменений и охарактеризовано как общество незавершенного отрицания рынка. Описан его генезис, исторические формы, свойственные ему отношения собственности, классовая структура и связанная с ней протестная субкультура, словом, явления, имеющие для него системообразующий характер.

Результатом исследования стала разработка таких понятий, как буржуазно-бюрократический симбиоз, бюрократическая рента и классовая полифония. Последняя оказывается особенно важной для понимания природы протестной субкультуры, свойственной данному обществу. Она существенно отличается от протестной субкультуры промышленного рабочего класса. Автор определяет ее как субкультуру гражданской самопрезентации. Она выражается в «майданах» – буржуазно-демократических революциях вторичного типа. В силу социально-психологических особенностей своих движущих сил эта субкультура сводится к попыткам политических переворотов, не имея возможности революционизировать общество в целом.

Данные исследования позволяют сделать вывод об устойчивости описанной социально-экономической системы в целом. Порождаемый ею социальный протест способен ее только воспроизвести. Автор делает вывод о том, что источник общественного развития на поверхности социальной жизни выражается в противоречиях между группировками господствующего класса. Эти противоречия в настоящее время обостряются как на международном, так и на внутригосударственном уровне, что за собой влечет очередную структурную перестройку капиталистического хозяйства.

Ключевые слова: капитализм, рента, бюрократия, класс, кризис, неолиберализм, олигархия, капитал, рабочий класс, политология.

Для цитирования: Коряковцев А. А. Современное капиталистическое общество: исторические пределы ближайших социальных перемен и их общественный субъект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 5. – С. 93–103, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-93>.

MODERN CAPITALIST SOCIETY: HISTORICAL LIMITS OF THE COMING SOCIAL CHANGES AND THEIR SOCIAL SUBJECT

A. A. Koryakovtsev

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia
e-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Abstract. *The relevance of this study is associated with the need to revise the theories of modern society, both “Western” and Russian. This is due to the totality of changes that have been taking place in the world since the middle of the 20th century – global not only in terms of breadth, but also in terms of the depth of social changes. They cover not only cultural and political, but also economic parameters of public life. At the same time, they go beyond the concepts and methodological techniques that developed in the theories of the pre-war era – not only classical Marxism and Marxist schools, but also their opponents: positivism, postmodernism, neoliberalism, and so on. The purpose of this study is to develop concepts that adequately reflect them based on the study of the patterns of new world social processes and, with their help, highlight the dynamics of the development of a given society.*

When analyzing social phenomena, the author relied on both classical and modern foreign and Russian theoretical works. The methodological basis of the study is classical Marxism, although rethought from the point of view of new social realities. The study is interdisciplinary in nature, as it combines data from the field of social philosophy, history and political economy.

In the article, modern society is taken in the dynamics of social changes and characterized as a society of incomplete denial of the market. Its genesis, historical forms, property relations inherent in it, class structure and the protest subculture associated with it are described, in a word, phenomena that have a backbone character for it.

The study resulted in the development of such concepts as bourgeois-bureaucratic symbiosis, bureaucratic rent and class polyphony. The latter turns out to be especially important for understanding the nature of the protest subculture characteristic of a given society. It differs significantly from the protest subculture of the industrial working class. The author defines it as a subculture of civil self-presentation. It is expressed in “maidans” – bourgeois-democratic revolutions of the secondary type. Due to the socio-psychological characteristics of its driving forces, this subculture is reduced to attempts at political coups, without being able to revolutionize society as a whole.

These studies allow us to conclude that the described socio-economic system as a whole is stable. The social protest generated by it can only reproduce it. The author concludes that the source of social development on the surface of social life is expressed in the contradictions between the groupings of the ruling class. These contradictions are currently aggravated both at the international and domestic levels, which entails another structural restructuring of the capitalist economy.

Key words: *capitalism, rent, bureaucracy, class, crisis, neoliberalism, oligarchy, capital, working class, political science.*

Cite as: Koryakovtsev, A. A. (2020) [Modern capitalist society: historical limits of the coming social changes and their social subject]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 93–103, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-93>.

Введение

Актуальность данного исследования определена тем, что современная общественная наука давно испытывает недостаток в обобщающих выводах относительно современной мировой социально-экономической системы, в том числе и российской. Мы до сих пор не знаем, в каком обществе живем, каковы его закономерности, понимание которых позволило бы прогнозировать хотя бы ближайшее будущее. Популярный термин «капитализм» ничего не объясняет уже только потому, что активная часть самой российской «несистемной» оппозиции имеет своей положительной программой развитие именно капиталистических отношений. Отсюда следует необходимость уточнения смысла этого термина и определения границ его использования. Особенно важно это сделать с учетом политэкономического и социально-философского ракурсов, чтобы определить базовые категории, характеризующие современное социально-экономическое устройство. В этом состоит цель нашего исследования. Используя методологический аппарат классического марксизма, мы определим современное общество, обозначив исторические пределы ближайших соци-

альных перемен и их общественный субъект.

Современной отечественной литературы, специально посвященной политической экономии и социально-философскому анализу современного общества, почти нет. Это можно объяснить влиянием позитивизма, культивирующего неприятие теоретических обобщений или постмодернизма, боящегося «больших теорий», а может, все дело в том, что исследователи либо не замечают противоречий в сложившемся словоупотреблении, либо их удовлетворяют господствующие концепции, слабо связанные с реальностью. Последние мы проанализируем в статье.

Но прежде кратко ответим на вопрос: каковы базовые политико-экономические характеристики современной общественной системы и в чем ее исторические истоки?

Общество незавершенного отрицания рынка

В XX столетии в индустриально развитых странах мира произошел переход от господства капитала к господству высшей политической бюрократии. Случилось это не *естественным* образом, как считают авторы одного новейшего исследования [21,

с. 79–87], а *насильственно*, в качестве непредсказуемого, но закономерного результата единой мировой революции [3; 9] – длинной цепочки событий, занявшей всю первую половину XX века и состоящей из политических переворотов, вынужденных государственных реформ и экономических кризисов.

Общественный результат этой революции воплотился в двух социальных формах: в советской системе и в системе «западной», обычно увязываемой с «социальным государством». Позже последняя трансформировалась под влиянием неолиберальных практик, однако ими не был ликвидирован ни один системообразующий институт «социального государства», все дело ограничилось сокращением доли перераспределяемого продукта [20, с. 31; 19, с. 401]. Социальная практика была скорректирована, но ее социальный субъект остался прежним. Это говорит о сохранении общественно-экономического единства между практиками «социального государства» и неолиберализма. Они предстают как этапы эволюции единого общественного устройства.

Ранее [10] мы обозначили общность советской и «западной» систем по признаку фиксирования нормы прибыли. Разница между ними в том, что в условиях преобладания государственной собственности и так называемой «плановой экономики», в условиях полного поглощения крупного и среднего капитала государством, прибыль оказалась *минимизированной*, а в условиях «западной» системы – *максимизированной* в силу согласования интересов высшей политической бюрократии и крупной буржуазии, в силу их политического симбиоза. В обоих случаях можно говорить о ведущей роли высшей политической бюрократии, присваивающей ренту, о приоритете политико-административных связей над экономическими, другими словами, о *незавершенном отрицании рынка*, о разных моделях государственного регулирования им (в советской системе он сохранялся в неправовой и превращенной форме [8; 11, с. 616]).

Бюрократическая рента

Попытка раскрыть роль ренты в современном обществе предпринята в монографии «Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии» [21]. Однако авторы совершили серьезную методологическую ошибку (см. об этом рецензию П. Н. Кондрашова [7, с. 19–20]), отождествив ее с любым прибавочным продуктом и любой общественной формой его распределения и перераспределения, будь то прибавочная стоимость или социальные выплаты трудящимся (которые есть часть их совокупной заработной платы, часть переменного капитала). Кроме того, они представили ее как независимую от труда. Но даже если речь идет о силовых отношениях, благодаря которым отчуждается продукт, последний есть не просто «дар природы»,

пусть даже соединенный с «техническими инновациями» [21, с. 15], он является результатом труда – целенаправленного воздействия на природный или общественный материал. Субстанцией частного присвоения прибавочного продукта, то есть, частной собственности (отчуждения) в любых ее общественных формах, является *труд* по той причине, что прежде, чем что-то *распределять*, его требуется *произвести*, целенаправленно изъять из природных связей и так же целенаправленно обработать. Искажение авторами отношения между трудом и частной собственностью (отчуждением), приводит их к фантастическому допущению «общества без труда», в котором сохраняются неравенство в распределении общественных благ и деятельности.

В современном мире преобладает *бюрократическая рента*. Она представляет собой *доход, взимаемый с капитала в результате перераспределения части прибыли* и является следствием политической монополии. Но *сама по себе* она не есть собственность, не есть капитал и не есть прибавочная стоимость. Рента как таковая *не есть производительная сила*: она состоит в отчуждении чужого дохода, либо полностью (такова феодальная рента, которая представляет собой отчуждение прибавочного продукта либо крестьян, либо ремесленников), либо частично (такова бюрократическая рента при капитализме: отчуждение части прибавочной стоимости буржуазии). В этом смысле любая рента связана с трудом – феодальная непосредственно, бюрократическая при капитализме – опосредованно, через паразитическое отношение к капиталу, который есть «накопленный труд» [16, с. 443], просто потому, что труд производит то, что присваивается частным образом, производит отношения частного присвоения.

«Западный» вариант незавершенного отрицания рынка

Мы остановимся на «западном» варианте этой социальной системы, ибо он, в измененном неолиберальными правительствами виде, был экспортирован в Россию, породив общественные противоречия, стимулировавшие социальный протест под самыми разнообразными идеологическими флагами.

В первые годы после Второй мировой войны правящие круги западноевропейских стран продолжили довоенную политику свободного рынка и низкой покупательной способности трудящихся. Дело выглядело так, будто вся предыдущая мировая социальная революция исчезла в военном пепле.

Но вскоре выяснилось, что это не так.

Два фактора потребовали структурной перестройки капиталистического хозяйства. Это необходимость послевоенного восстановления экономики. Оказалось, что «невидимая рука рынка» слишком видимо мешала решить эту задачу. Не по-

могала она противостоять и возможной экспансии СССР на Запад. Если саморегулирующийся рынок уже вызвал многочисленные политические революции и две мировые войны, то было бы слишком рискованно возвращаться к нему.

От очередного социального взрыва и неизбежно в таком случае советского вторжения Запад спас государственный трансферт в 17 млрд долларов [2, с. 229], осуществленный правительством США и названный «планом Маршалла». Он сыграл роль осинового кола, забитого в чуть живую тушку либеральной экономики. Добросовестный бельгийский исследователь Г. Ван дер Вее честно признает его остановкой действия принципов экономического либерализма [2, с. 229]. И это произошло под притирания о том, что после реализации плана «предусматривалось полное восстановление принципов экономического либерализма», – сообщает он.

Но общество – это не механизм, работающий по нажатию кнопок. Если что-то удалось в нем приостановить, то это произошло не потому, что вы удачно нажали на правильную кнопку, а, прежде всего потому, что само общество уже *готово* было к этому и *позволило* это сделать. Раз оно согласилось на это – значит, оно уже *другое* и к прежнему своему состоянию не вернется.

Так и здесь. В результате плана Маршалла была модернизирована европейская инфраструктура, объемы промышленного производства выросли на 30% и т.д. [2, с. 231]. Нужно подчеркнуть, что эти успехи были достигнуты не просто благодаря денежным вливаниям в экономику, а главным образом благодаря реформам, ограничивающим рынок, трансформирующим социальные связи и создающим *нерыночные* механизмы, которые ставят рынку предел. Это институты социально-ориентированного перераспределения и системного государственного регулирования. Подобную практику можно назвать *революционно-реформистской*, ибо она по своему содержанию означала социальную революцию, завершающую мировую революцию начала XX века, а по форме политического воплощения – правительственную реформу. Таково было завершение тенденций, впервые описанных Лениным [12] и знаменующих конец «первоначального» капитализма, превращение капиталистического способа производства из господствующего экономического уклада в уклад, подчиненный политической бюрократии: извлечение прибавочной стоимости в данном случае подчинилось бюрократической ренте, частные интересы капиталистов – интересам государственного управления.

Трансформация господствующего класса

Политическая бюрократия вступила в симбиоз с разными группами капитала, и общественный результат этого политического союза зависел от того,

принадлежат ли эти группы финансовому, либо промышленному капиталу, а так же от степени и форм их подчиненности политической бюрократии. Все это, в свою очередь, зависело от национально-исторических особенностей и условий становления данной системы в целом. Последовательность подобного превращения капитализма не везде одинакова, она зависит от национально-исторических условий.

Ошибочно интерпретировать этот симбиоз как противоречащий интересам *всей* буржуазии. Напротив: под давлением обстоятельств немалая часть буржуазии вписалась в бюрократическую иерархию, пользуясь государственной гарантией соблюдения правил конкурентной борьбы. Неверно это понимать и так, что буржуазия стремится к ренте, чтобы участвовать в ней [21, с. 78–79]. Наоборот: она *платит* государству ренту в виде налогов, получая взамен не привилегии, а только «естественные» условия для воспроизводства своих капиталов. Бюрократия как рентополучатель и буржуазия как субъект рынка являются абсолютными антагонистами только в либеральной идеологии. При определенных условиях между ними возможен *взаимно выгодный* союз.

Полного вытеснения прибавочной стоимости рентой вследствие *естественного* «стремления» к ней капитала здесь не наблюдается. Вначале мы видим воздействие на капитал принудительных факторов, заставивших его принять новые правила игры, а потом, когда эти факторы ослабли, капитал снова проявил враждебность к бюрократическому «рентополучателю». Последнее воплотилось в идеологии и практике неолиберализма, однако, непоследовательно. Сам неолиберализм, равно как и его непоследовательность, стали итогом развития внутренних противоречий внутри буржуазно-бюрократической корпорации.

Новая модель капитализма в современной идеологии

Новая модель капитализма часто отождествляется с феодализмом, сводимому к политико-правовой иерархии и основанной на ней редистрибуции [21, с. 196]. Так вопреки принципу историзма, обособывается использование категорий, необходимых для описания феодального общества (например, «сословие» [21, с. 193]), но совершенно искажающих общество современное.

При феодализме и в современном обществе политико-правовые отношения имеют разный экономический базис и подчиняются разной политико-экономической логике. Причина сословной (формально-правовой) иерархии и господства неэкономических отношений состояла в неразвитости экономических связей. Основанием для социальных различий служили неэкономические (политические, политико-правовые, сословные и т.д.) различия [14,

с. 310–311]. В условиях же современного капитализма о неразвитости экономических отношений говорить не приходится. Политико-правовые отношения господствуют здесь над экономическими не в силу слабой развитости последних, а по причине их исторического предела. Они способны обеспечить общественное развитие только при условии государственного управления ими – при условии их *незавершенного отрицания*. Это предполагает, что «процесс отделения политической жизни от гражданского общества» (К. Маркс) воплощён таким образом, что не политика как таковая, а только *самостоятельная* политика противопоставлена обществу в качестве недоступной привилегии. Водораздел классовых (экономических) различий в данном случае не исчезает (как считают авторы монографии «Рентное общество» [21, с. 193]), но перестает быть предпосылкой и условием этого отделения, став его *следствием*. Другими словами, не политика как таковая противостоит здесь экономической жизни, а только *самостоятельная* политика граждан противостоит власти и суррогатам гражданской политической самостоятельности. Основанием социального господства здесь является неспособность граждан к самостоятельному политическому действию, порождающая ложные формы их политической практики.

Заметим, что, называя современное российское общество «феодализмом», на самом деле высказывают ему незаслуженный комплимент. Феодализм – это общество высокой корпоративной солидарности: индивид в феодальную эпоху всегда представлял собой какую-то общность и был защищён ею [4, с. 31–42]. Современное общество – это общество социального распада, где корпоративная солидарность является редким явлением.

Господство политико-правовых и прочих неэкономических связей над экономическими превратно отражается в «политизме» – теоретических конструкциях, методологически родственных «экономизму» начала XX века. Эти два вида социологического редукционизма – продукт разложения политико-экономической теории XVII–XIX веков. Каждый из них является реакцией на крайности другого, воплощаясь в абстрагирование от этих крайностей. Если «экономизм» состоит в рассмотрении тех или иных явлений социальной жизни в качестве экономической функции, то «политизм» рассматривает их в качестве функции политической. Само выделение из общественных наук *политологии* в качестве обособленной научной и учебной дисциплины способствовало этому. Экспансия политологической мысли в духе «политизма» привела к тому, что все политико-экономические категории стали интерпретироваться как «метафоры» [21, с. 7], интерпретироваться в качестве политико-правовых: «социальное государство» вместо социально ориенти-

рованной системы перераспределения, «правовое государство» вместо буржуазно-бюрократической корпорации, «гражданское общество» – в значении «политически активная часть общества» – вместо авангарда определенного класса и т. д. Это создало иллюзию, что социально-политическая сфера не может быть представлена как сфера концентрации экономических интересов, что она обладает абсолютной саморегуляцией, подобно свободному рынку в идеологии *laissez-faire*.

Современная классовая структура

В современном обществе не трудно обнаружить своеобразную классовую структуру, отличную от той, которая была при капитализме XIX века. Не трудно также найти в ней множество классов и социальных групп, как новых, так и старых. Кроме пролетариата и буржуазии, это: средний класс, креативный класс, нетократия, прекариат, салириат, субэлиты, элиты [21, с. 129]. Как все они друг с другом соотносятся, читателю, как правило, не разъясняется, как и не объясняется их общественная природа.

Наибольшее внимание обычно уделяется среднему классу. Современными политологами он определяется так: «средний класс занимает промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом, объединяя в своем существовании основания труда..., но так же ренты и капитала...» [21, с. 120]. Однако в том же сочинении это определение опровергается: «средний класс не имеет ни одного исключительного основания или признака» [21, с. 120], ибо он является «противоречивой социальной средой» [21, с. 129]. Несмотря на эту констатацию, далее авторы приписывают «среднему классу» способность «генерировать самые универсальные перспективы и решения для общества в целом» [21, с. 130].

В чем причина подобной путаницы? В том, что понятие «класс» используется не в «ленинском» смысле (социально-экономический статус крупной социальной общности, определенный способом присвоения общественного богатства и объемом дохода, местом в системе общественного производства, ролью в общественной организации труда и отношением к средствам производства [13, с. 15]), а в максимально широком социологическом значении, как «социальная группа» с произвольными критериями. Здесь игнорируется, что класс как таковой – это *общественное отношение*, в котором находится определенная группа индивидов, а не характеристика самой этой группы, способной пребывать в каких угодно отношениях к обществу. Социальные группы и индивиды, из которых они состоят, взятые отвлеченно, «онтологически», как выражаются авторы монографии, могут не изменяться, но при этом могут изменяться обществен-

ные отношения, в которых они участвуют (конечно, в данном случае происходят и изменения в них самих, но эти изменения вторичны и не обязательно тотальны). Например, в горьковском Бароне (который является художественным образом опустившихся российских аристократов) «онтологически» изменилось не все, когда он оказался «на дне» (например, он не утратил свои сословные замашки, те или иные элементы характера, эстетические вкусы и т. д.). Но он изменился социально, изменилась его социально-экономическая, классовая принадлежность.

Классы могут *включать* в себя сословия, иначе говоря, экономические различия могут дополняться различиями правовыми. Но экономические различия, следовательно, экономические классы, сами по себе, не противостоят различиям правовым, не исключают сословия сами по себе. Это происходит лишь в воображении современных политологов, в трактовке которых «экономические классы ... переформируются в сословные социальные группы» [21, с. 193], «ни в сословной Российской империи, ни в советском обществе доминирующая система стратификации не определялась экономическими классами» [21, с. 211]. В подобных высказываниях не трудно увидеть попытку скрыть ведущую роль экономических интересов.

Явление, названное «средним классом», представляет собой пример того, что можно назвать *классовой полифонией* – совпадением в жизнедеятельности социально значимой группы ролей и функций *разных классов*. Типичная ситуация западноевропейского гражданина послевоенной эпохи такова: он продает свою рабочую силу, работая на заводе, имея личный банковский счет и проценты с акции предприятия, на котором трудится, зарабатывает извозом на собственном автомобиле, его дети учатся бесплатно или он сам получает государственные субсидии и медицинские услуги. Здесь мы видим, как в индивидуальной общественной практике сходятся роли рабочего класса, мелкого буржуа, рантье и административно-зависимого работника. Все это, вместе взятое, становится причиной стабильно высокого дохода. Именно благодаря этой *классовой полифонии*, сложившейся в условиях «социального государства», и преодолевается абсолютное обнищание пролетариата. Но сама она стала возможной не благодаря «рыночному обмену» и их органичному развитию [21], а благодаря превращению рабочего класса в «центр обращения капитала» (К. Маркс) в условиях *принудительного*, но незавершенного отрицания рынка. Эта принудительность выражается в том, что едва только она ослабевает (в условиях неолиберальной модели), как исчезает и *классовая полифония*, лежащая в основе *межклассового компромисса*: на их место возвращаются классовая однозначность и классовый

антагонизм, выражающиеся в массовых протестных движениях.

Методологическое значение понятия *классовой полифонии* состоит не только в том, что оно возвращает категории *класс* ее прежнее политэкономическое содержание, обозначающее экономические отношения, в которых находится социальная группа. Оно помогает объяснить, почему *средний класс* не является и не способен стать самостоятельным политическим субъектом, будучи якобы «идеологически нейтрален» [5, с. 363], как говорят, пытаясь представить его в качестве *надклассового* феномена. Совсем наоборот: являя собой в повседневной общественной реальности живую концентрацию (*ensemble*) конкретных классовых позиций и имея разнонаправленные экономические интересы, его представители оказываются втянутыми в классовую борьбу. Они участвуют в ней не в качестве единого, самостоятельного социального субъекта, но *объекта* политических манипуляций, растаскиваемого по разным политико-идеологическим полюсам. Именно по той причине, что «средний класс» *не* является идеологически нейтральным, он может поддерживать самые разнообразные политические силы.

Особенности социального протеста в современном обществе

В условиях стабильно работающего «социального государства», социальные проблемы и противоречия не исчезают, но переводятся в «спящий режим». Это имеет фундаментальные последствия для промышленного рабочего класса.

Всю историю XX столетия можно представить как историю его двойного уничтожения. Его не удалось расстрелять на московских баррикадах 1905 года и в Мадриде в 1939. Он добровольно стал «центром накопления капитала» [17, с. 233–234] в условиях дешевого кредита и «социального государства», просто перестав быть *революционным* рабочим классом и превратившись в одного из классов-собственников. Маркс однажды заметил, что рабочий класс существует, только борясь против капитала [15, с. 54]. По этой логике данное уничтожение революционного рабочего класса есть его *самоуничтожение*, его *субъективное* уничтожение как политически самостоятельного класса.

Во второй раз рабочий класс капиталистического «центра» был уничтожен *объективно* вместе со своей материальной основой, с промышленными средствами производства, которые в эпоху неолиберализма были экспортированы в «Третьи страны».

В условиях отсутствия революционного рабочего класса марксистская *политология*, рожденная в условиях XIX – начала XX века, стала фразой, не имеющей никакого социально-практического значения, а ее сторонники – вариантом субкультуры

исторической реконструкции. В протестной идеологии возник вакуум. Его заполнили идеи, выработанные обществом в условиях неолиберализма и кризиса СССР. Сформировалась своеобразная протестная субкультура, которую мы назовем субкультурой *гражданской самопрезентации*. Она отражает социально-психологические особенности и мировоззрение индивидов, живущих в условиях *классовой полифонии, буржуазно-бюрократического симбиоза* и, вместе с тем, *распада межклассового компромисса и свертывания «социального государства»*. Она испытала влияние идей постмодернизма, консьюмеризма и неолиберализма (в условиях современной России можно упомянуть еще о неосоветизме), она эклектична и избегает всякой определенности, практичности, программности и конструктивности. В ней отсутствуют общественные цели, ее участник не способен осознать общественную цель как личную, а личную – как общественную. Со всей ясностью в ней выражена и осознана только одна цель: *самопрезентация личной добродетели* на основе остро переживаемой *виктимности*. Достигается эта цель *моральным негодованием и абстрактным желанием* общественных перемен. В этом состоит радикальное отличие данной протестной субкультуры от доминировавшей в XIX веке и начале XX, в которой, конечно, тоже реализовывались личные цели, но только в качестве подчиненных.

Так же друг от друга их отличают формы практической реализации. Социальный протест революционного рабочего класса выражался в политической самоорганизации и попытках разрушить сам капиталистический способ производства (забастовки, партийная и профсоюзная работа (в том числе подпольная), захваты предприятий, вооруженные восстания и т.д.). Сторонники *гражданской самопрезентации* выражают свой социальный критицизм по преимуществу лишь посредством *митингов* или «акций», на которых они объявляют свои пожелания.

Подобное политическое поведение можно наблюдать не только на постсоветском пространстве, но и повсюду в зарубежной Европе и США, как показали события второй половины 10-х – начала 20-х гг. Европейские забастовки в это время имели локальный характер и ограничивались экономическими требованиями. Тогда как в такой стране «капиталистической периферии», как Индия, забастовочное движение в те же годы охватывало всю страну и нередко под политическими лозунгами.

Идейная эклектичность и декларативность культуры *гражданской самопрезентации* отражают социальную эклектичность и социальную беспомощность ее социальной базы, не способной осознать собственные классовые интересы в силу их противоречивости. По этой причине ее представители

с легкостью становятся объектом внешних политических манипуляций. Практически они выражают себя в *майданах* или «*цветных*»/«*оранжевых*» *революциях*.

Для научного описания современного протестного движения эти понятия необходимо отделить от понятия «социальная революция». Они появились в российских СМИ как инвективы, обозначающие *любой* социальный протест на постсоветском пространстве и дискредитирующие его как управляемые из-за рубежа. Отчасти это действительно так. Например, трудно отрицать иностранное вмешательство в события на киевском майдане в 2013–14 гг.

Но дело в том, что иностранное вмешательство присутствует почти в любой «настоящей» буржуазно-демократической революции. Вспомним роль швейцарских проповедников в Нидерландском восстании XVII–XVIII столетий [18, с. 74–120], поддержку французской дипломатией американских борцов за независимость [22] или влияние американских и английских идей на французских революционеров XVIII века [1, с. 31]. *Почти любой* буржуазно-демократический революционный процесс прошлого испытывал влияние из-за границы – идейное, политическое или организационное.

Иногда говорят, чтобы опорочить тот или иной социальный протест, что он «управляем» и даже не уточняют, что «извне». Но неуправляемыми социальными протестами были только стихийные бунты средневековья. Однако уже в Новое время управляемость социальным протестом, его *сознательность*, целенаправленность, нарастает. Появляется проект самостоятельно действующей, но централизованно руководимой профессионалами, рабочей партии, реализованный впервые английскими чартистами, а потом во многих индустриально развитых странах мира.

Одним словом, нет ясности в том, чем «настоящая» революция отличается от симулякра. Во время политических сумерек любой социальный протест представляется в оранжевых тонах, но в этом случае теряется грань, разделяющая науку от пропаганды.

Говорить в негативном смысле о «майдане» имеет смысл, только чтобы указать на определенную сторону события, связанную со стремлением той или иной группировки господствующего класса оседлать возмущение социальных низов. Но сам их протест в целом к данному моменту не сводится. Тем более ошибочно в «майданной» стороне дела видеть *причину* восстания. Политическая манипуляция способна определить его формы, идеологию, риторику и т.д., она является одним из следствий, но не единственной и довлеющей причиной. Любой социальный протест, даже если он внешне, со стороны своих программ, выглядит убого, обозначает какую-либо социальную проблему. Если предста-

вить социальный протест не как борьбу классов, а как результат влияния особой политтехнологии, то возникнет вопрос: почему не сработала политтехнология *антимайдана*? На каждую политтехнология может явиться альтернативная политтехнология, но причины, по которым одна из них оказывается сильнее другой, находятся вне политтехнологий самих по себе.

«Майданная» идеология

Все это лишь обостряет вопрос: чем являются многочисленные «майданы», происходящие в постсоветскую эпоху на постсоветском пространстве? Чтобы ответить на него, обратим внимание на то, что воображают о себе их участники.

С конца 80-х гг. они выступают либо под либеральными, либо под несоветскими лозунгами, что в обоих случаях представляет собой выражение *мифа возвращения*. Это ни коим образом не социальная революция, а варианты *реставрации*, упакованные в иллюзии буржуазно-демократических (часто в духе национал-либерализма) или социальн-утопических идеалов веков XVIII–XIX (если иметь в виду не букву, а логику социального конструирования). Или, точнее, так: по идеологической форме – перед нами революция (буржуазно-(социал-) демократическая) или даже «социалистическая», по объективному результату – *реставрация*.

В итоге мы имеем движение, не порождающее в обществе новые общественные связи (оно само этого не хочет, предполагая вернуться к старым), а только подчиняющее общество новым властным группировкам господствующего класса при воспроизведении всей прежней системы собственности и социальной структуры. Возьмем, к примеру, крах Советского Союза – самый грандиозный переворот из всех, случившихся в странах советского блока. Если оставить в стороне его идеологические формы («борьба с Империей, тоталитаризмом, ГУЛАГом» и т. д.), то окажется, что он свелся к *легализации* рыночных отношений, развивавшихся десятилетиями в недрах советского общества (в разном правовом статусе), но породить какие-то качественно новые социальные связи его движущие силы оказались не способны. Дело свелось частично к перестановке прежних общественно-экономических элементов, частично к экспорту политических, экономических и идеологических институтов из-за рубежа в соответствии не столько с общественными потребностями, сколько с общественными иллюзиями. То же самое мы можем сказать об остальных «майданах» последнего десятилетия (Украина, Белоруссия, Казахстан, Киргизия). Все они являли собой попытку (иногда успешную, когда происходила трансформация политических институтов в пользу новых элит) политического переворота *без* социальной революции. Все они были *по форме* буржуазно-де-

мократическими революциями «вторичного» типа, повторяющие своих великих предшественниц без *революционирования* общества. Нам обещали марлезонский балет, а показали тверк.

Инверсия протестных настроений

Почему так случилось?

Сторонники «майданной» концепции не в силах ответить на этот вопрос потому, что упирают на манипулируемость движением. Отчасти это верно. Но они упускают из виду существенное обстоятельство: протестующие обманываются *сами*! Никто не заставлял южноуральских шахтеров в конце 80-х гг. выступать за приватизацию, никто не гнал хабаровчан на улицы заступаться за бывшего лидера ОПГ С. Фургала, никто не заставлял минчан приходить на оппозиционные митинги в 2019 г. И так далее. Все это они делали в полном соответствии со своей картиной мира и с тем уровнем политического сознания, которое у них имелось. В этом выражался *архаичный мифологизм* их политической субкультуры, ориентированной на *искренние* поиски воображаемых друзей и заступников. В принципе, нет разницы, идет ли речь о мистическом персонаже, политическом авантюристе или об опальном представителе господствующего класса. Во всех случаях мы имеем дело с поиском справедливости в рамках мифологического сознания социальных групп, которые утратили самосознание творца истории.

Следовательно, перед нами не просто буржуазно-демократические революции. Перед нами движения *самих* граждан, не способных осознать собственные интересы и самоорганизоваться, поэтому ищущих *чужие* политические организации и защищающих *чужие* интересы. Благодаря этому самообману их протест способен лишь скрыть реакционное практическое содержание их политических действий.

Так современное протестное движение приходит в противоречие с самим собой, становясь своеобразной *опозицией Шрёдингера* и обеспечивая устойчивость данной социальной системы. Источник развития последней оказывается отличным от схемы противостояния сторонников «рыночных обменов», представленных буржуазией и «рентной тенденцией», чьим проводником объявлена государственная бюрократия [21, с. 197, 221].

Вывод

Так современный социальный протест своей собственной политической культурой задает предел себе сам. На практике, даже в случае политической победы, он способен только воспроизвести прежние отношения господства. Однако в самой господствующей буржуазно-бюрократической корпорации имеются противоречия, например, между финансовым и промышленным капиталом и разными груп-

пировками высшего чиновничества. Данные противоречия способны обостриться в случае внешнего давления, многократно увеличившегося с началом эпохи неомеркантилизма [6]. В этих условиях происходит раскол элит на «компрадорские» и «патриотические» группировки, каждая из которых опирается на контролируемый сегмент гражданского общества. Конкретные формы этого раскола зависят от социальных, экономических и идейных ресурсов власти. На Украине такой раскол произошел в 2014 году и вылился в популистские меры правительства и государственное поощрение уличного террора. В России раскол оказался вытесненным в Интернет-пространство, а в обществе нейтрализован правительством с помощью политики «сбережения

нации», трансфертных платежей в пользу малоимущих и мер по стимулированию промышленного развития. На Западе мы видим, как под давлением США правительства европейских стран принимают решения, в условиях энергетического кризиса угрожающие национальным интересам стран ЕС и в первую очередь – промышленному капиталу. Это чревато столкновением интересов разных буржуазно-бюрократических группировок и реформированием буржуазно-бюрократического симбиоза, в котором место финансовой олигархии может занять промышленное, прогрессистское, лобби. Капиталистическое общество входит в эпоху новой структурной перестройки.

Литература

1. Быховский Б. Э. Философия американского просвещения. // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. – М.: «Мысль», 1968. – С. 5–65.
2. Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945-1990. – М.: Наука, 1994. – 413 с.
3. Грациози А. Война и революция в Европе 1905-1956. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005 – 288 с.
4. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: «Искусство», 1990. – 396 с.
5. Киселев К. В. Миф о среднем классе: основания конструирования и политические функции // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – № 8. – С. 355–364.
6. Колташов В., Коряковцев А. Новейший поворот в мировой экономике. – Эксперт-Урал. – № 23 (799). – 2019. – С. 32.
7. Кондрашов П. Вероятное будущее глобализирующегося капитализма: рентное общество. // Свободная мысль. – 2021. – № 6. – С. 15–24.
8. Корнаи Я. Дефицит. – М.: «Наука». – 608 с.
9. Коряковцев А. Предпосылки институционального этапа развития социальной работы. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – Вып. 8. – С. 137–154.
10. Коряковцев А. Современная трансформация капиталистического общества и актуальность методологии классического марксизма. // Философские науки. – 2021. – № 4. – С. 133–159. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-4-133-159>.
11. Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. – М., Екатеринбург: Кабинетный ученый. – 2017. – С. 684.
12. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27. С. 299–426.
13. Ленин В. И. Великий почин. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 39. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 1–29.
14. Маркс К. К критике гегелевской философии права. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 219–368.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
16. Маркс К. Наемный труд и капитал. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 6. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 428–459.
17. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1857-1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 46. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. – С. 20–284.
18. Пиренн А. Нидерландская революция. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – С. 572.
19. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики. От Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. – Москва ; Челябинск : Социум ; Мысль, 2017. – С. 401. – 522 с.
20. Харви Д. Краткая история неолиберализма. – М.: Поколение, 2007. – 288 с.

21. Фишман Л., Мартыанов В., Давыдов Д. Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии: монография. – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2019. – 416 с.
22. Jonathan R. Dull. A Diplomatic History of the American Revolution. – Yale University Press, 1987. – 229 p.

References

1. Bykhovsky, B. E. (1968) [Philosophy of American education]. *Amerikanskiye prosvetiteli* [American enlighteners]. Vol. 1. Moscow: «Thought», pp. 5–65. (In Russ.).
2. Van der Vee, G. (1994) *Istoriya mirovoy ekonomiki. 1945–1990*. [History of the world economy. 1945–1990]. Moscow: Science, 413 p.
3. Graziosi, A. (2005) *Voyna i revolyutsiya v Yevrope 1905–1956* [War and revolution in Europe 1905–1956]. Moscow: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 288 p.
4. Gurevich, A. Ya. (1990) *Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [Medieval world: the culture of the silent majority]. Moscow: «Art», 396 p.
5. Kiselev, K. V. (2008) [The myth of the middle class: the foundations of construction and political functions]. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 8, pp. 355–364. (In Russ.).
6. Koltashov, V., Koryakovtsev, A. (2019) *Noveyshiyy povorot v mirovoy ekonomike* [The latest turn in the global economy]. – *Expert-Ural*. Vol. 23 (799), pp. 32.
7. Kondrashov, P. (2021) [Probable future of globalizing capitalism: rental society]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. Vol. 6, pp. 15–24. (In Russ.).
8. Kornai, J. (1990) *Defitsit* [Deficit]. Moscow: «Science», 608 p.
9. Koryakovtsev, A. (2008) [Prerequisites for the institutional stage of development of social work]. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 8, pp. 137–154. (In Russ.).
10. Koryakovtsev, A. (2021) [Modern transformation of capitalist society and the relevance of the methodology of classical Marxism]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. Vol. 4, pp. 133–159, <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-4-133-159> (In Russ.).
11. Koryakovtsev, A., Viskunov, S. (2017) *Marksizm i polifoniya razumov* [Marxism and polyphony of minds]. Moscow, Yekaterinburg: Armchair scientist, 684 p.
12. Lenin, V. I. (1969) *Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma* [Imperialism as the highest stage of capitalism]. Moscow: Publishing house of political literature, Vol. 27, pp. 299–426. (In Russ.).
13. Lenin, V. I. (1970) *Velikiy pochin* [Great initiative]. Full composition of writings. 5th ed. Vol. 39. Moscow: Publishing house of political literature, pp. 1–29. (In Russ.).
14. Marx, K. (1955) *K kritike gegelevskoy filosofii prava* [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. Collected Works. Vol. 1. Moscow: State publishing house of political literature, pp. 219–368. (In Russ.).
15. Marx, K., Engels, F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. Works. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: State publishing house of political literature, pp. 7–544. (In Russ.).
16. Marx, K. (1957) *Nayemnyy trud i kapital* [Hired labor and capital]. Works. 2nd ed. Vol. 6. Moscow: State Publishing House of Political Literature, pp. 428–459. (In Russ.).
17. Marx, K. (1968) *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1857–1858 g.* [Economic and philosophical manuscripts of 1857–1858] // Collected works. Vol. 46. No. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature, pp. 20–284. (In Russ.).
18. Pirenne, A. (1937) *Niderlandskaya revolyutsiya* [The Dutch Revolution]. Moscow: State socio-economic publishing house, 572 p.
19. Stedman-Jones, D. (2017) *Rozhdeniye neoliberal'noy politiki. Ot Khayyeka i Fridmena do Reygana i Tetcher* [The birth of neoliberal politics. From Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher]. Moscow; Chelyabinsk: Socium; Thought, pp. 401. 522 p.
20. Harvey, D. (2007) *Kratkaya istoriya neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism]. Moscow: Generation, 288 p.
21. Fishman, L., Martyanov, V., Davydov, D. (2019) *Rentnoye obshchestvo. V teni truda, kapitala i demokratii* [Rental society. In the shadow of labor, capital and democracy]. Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics, 416 p.
22. Jonathan, R. Dull. (1987) A Diplomatic History of the American Revolution. *Yale University Press*, 229 p.

Сведения об авторе:

Андрей Александрович Коряковцев, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1745-0361

e-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 12.04.2022; принята в печать: 19.08.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Andrey Alexandrovich Koryakovtsev, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1745-0361

e-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

The paper was submitted: 12.04.2022.

Accepted for publication: 19.08.2022.

The author has read and approved the final manuscript.